

УДК 821.161 + 94(470 + 575.1)
DOI: 10.26907/2782-4756-2024-76-2-92-101

СРЕДНЯЯ АЗИЯ В РУССКИХ ОПИСАНИЯХ XVIII ВЕКА: ОБ ОДНОЙ АНОНИМНОЙ ЗАМЕТКЕ ИЗ НЕЦЕРКОВНОГО КАЛЕНДАРЯ ЭПОХИ ПРОСВЕЩЕНИЯ

© Ринат Бекметов, Немат Сабиров

CENTRAL ASIA IN RUSSIAN DESCRIPTIONS OF THE 18TH CENTURY: ON AN ANONYMOUS NOTE FROM THE NON-CHURCH CALENDAR OF THE ENLIGHTENMENT ERA

Rinat Bekmetov, Nemat Sabirov

There is a lot of interest in travelogue in the research environment today. Russian oriental travelogues, associated with the Central Asian region, have not been studied sufficiently before, besides a certain number of substantive works primarily of a historiographical nature. A special body of problems here is related to the origins of the Russian Central Asian travelogue formation as a genre structure. One of the texts, related to the “origins of the genre” and taken for consideration in this article, is a note by an anonymous author-compiler entitled “News of Bukharia”, published in the “Monthly Historical and Geographical Dictionary for 1779” (St. Petersburg Imperial Academy of Sciences). The article is a kind of commentary on this note. We characterize the journal in which it was presented – the printed secular calendar of the 18th century, it differs from the religious ones. The article determines historical, cultural, landscape and geographical realities, reflected in it, and identifies the ideological position of the compiler in the context of the eastern imperial policy of those years. We cautiously assume that when writing the text, the author could use materials on Central Asia from Western sources. There is no literary element as such in the described note. This is not a travelogue in the exact meaning of the term, but a concise informative essay on a regional topic, in which, however, there is no strategy for an objective scientific narrative (“pure curiosity”). We can clearly see the journalistic (state) ideologems of its era, combining the economic aspirations of Russia and its geopolitical attitudes (it is significant that in the note the reader he does not even find any ethnographic images of Central Asian people, their portraits, morals and everyday habits). At the same time, the text of the “News of Bukharia” includes separate general literary components – strict composition, laconism of speech style and logical sequence. The text is important as an early stage in the formation of a scientific and artistic Central Asia modus, as a phenomenon of “documentary literature”, not “fictional literature”.

Keywords: Central Asia, “News of Bukharia”, the Age of Enlightenment, the monthly book, ideologems, travelogue

Интерес к трaвелогу сегодня в исследовательской среде большой. Русские восточные (ориентальные) трaвелоги, связанные со среднеазиатским регионом, при этом изучены не в достаточной степени, несмотря на некоторое количество содержательных работ по преимуществу историографического характера. Особый корпус проблем здесь связан с освещением истоков формирования русского среднеазиатского трaвелога как жанровой конструкции. Один из текстов, относимых к «истокам жанра» и взятых на рассмотрение в настоящей статье, – заметка анонимного автора-составителя под названием «Известия о Бухарии», опубликованная в «Месяцослове историческом и географическом на 1779 год» (издание Санкт-Петербургской Императорской академии наук). Статья представляет собой своеобразный комментарий к этой заметке. Характеризуется журнал, в котором она помещена, – печатный светский календарь XVIII века; определяются историко-культурные и ландшафтно-географические реалии, отраженные в ней; выявляется идеологическая позиция составителя в контексте восточной имперской политики; выдвигается осторожное предположение, согласно которому при написании текста он мог пользоваться материалами западных источников о Средней Азии. Литературного элемента как такового в описываемой заметке нет. Перед нами не трaвелог в прямом и точном значении этого термина, а сжатое информативное сочинение на страноведческую тему, в котором, однако, отсутствует стратегия объективного научного нарратива («чистая любознательность») и отчетливо просматриваются публицистические

(государственные) идеологемы своей эпохи, совмещающие экономические устремления России и ее геополитические установки (симптоматично, что в заметке читатель не находит этнографических описаний среднеазиатских людей: их внешних портретов, нравов и бытовых привычек). Вместе с тем текст «Известий о Бухарии» включает отдельные компоненты общей литературности – строгая композиция, лаконизм речевого стиля, логическая последовательность. Текст важен как ранний этап становления научно-художественного модуса о Средней Азии, явление «литературы документа», а не «литературы вымысла».

Ключевые слова: Средняя Азия, «Известия о Бухарии», эпоха Просвещения, месяцослов, идеологемы, травелог

Для цитирования: Бекметов Р., Сабилов Н. Средняя Азия в русских описаниях XVIII века: об одной анонимной заметке из нецерковного календаря эпохи Просвещения // Филология и культура. Philology and Culture. 2024. № 2 (76). С. 92–101. DOI: 10.26907/2782-4756-2024-76-2-92-101

Интерес к жанру травелога в современной отечественной исследовательской среде носит весьма заметный и устойчивый характер; работ, посвященных этой форме литературного творчества, немало: лаконичный разбор написанного о травелогах занял бы не одну страницу научного текста. На то существуют свои причины; не ошибемся, если скажем, что не в последнюю очередь они связаны с тенденциями последних нескольких десятилетий, когда мир, благодаря легкости, доступности и интенсивности коммуникативных связей, стал едва ли не единым целым: разнообразные в своей пестроте культуры, преодолев географические границы, сошлись друг с другом, встав на такое расстояние, при котором вопрос из плоскости элементарного и поверхностного наблюдения перешел в плоскость глубокого и всестороннего изучения. То, что казалось экзотическим, приобрело черты если не банальности, то будничности; произошла «рутинизация» экзотики, начало которому было положено во второй половине XIX в.¹ (художествен-

но этот закономерный процесс отразил И. А. Гончаров во «Фрегате „Паллада“», «географическом» романе, стремясь найти сходство различных явлений жизни и обытывая то, что числилось по разряду «фантастики»: «*Нужно ли вам поэзии, ярких особенностей природы – не ходите за ними под тропики: рисуйте небо везде, где его увидите <...>*» [1, с. 104]). «Апофеозом» преодоления границ стал ныне феномен, получивший наименование «релокации» – переезд из одной точки земли в другую с деловой или индивидуально-личной целью.² Это не могло не сказаться и на исследовательских практиках; о

стала «привычной» – настолько, что чувство священного трепета у них несколько стерлось, притупилось, ослабло? Оставляя в стороне вопрос об особенностях арабского (южного) характера с присущей ему темпераментностью, на это можно ответить так: ощущение сакральности в мекканском культовом локусе со времен Пророка поддерживалось процедурами входящего плана (постом, уединением в расположенных поблизости горах, созерцанием, молитвами, жертвоприношением, раздачей милостыни); доступность Каабы уравновешивалась набором дополнительно и добровольно налагаемых на себя обязанностей, которые можно рассматривать в качестве аналогов тех сложных путей, которыми люди далеких стран и континентов добивались до Мекки в период хаджа или умры. Примечательно, что паломничество, начиная с доисламской эпохи, завершалось бритьем головы и стрижкой ногтей (по другой версии, сопровождалось ими) – внешними ритуализованными знаками обновления человека, символами прохождения им трудного очистительного пути.

² Релокацию порой сравнивают с увлекательным остросюжетным романом авантюрно-приключенческого или детективного толка: подобно тому, как читающий литературное произведение, последовательно открывая его страницы, узнает много нового о персонажах и событиях, человек, оказавшийся в ситуации переезда без должной психологической подготовки, сталкивается с теми фактами новой культурной среды, о которых в прежнее время он мог попросту не подозревать, не догадываться.

¹ Так, если в XVIII или XIX в. хадж правоверного мусульманина в Мекку предполагал сбор в длительную и опасную дорогу, к которой он иногда мог готовиться почти всю сознательную жизнь, то сейчас поездка туда занимает не столь много времени, и даже в материально-финансовом отношении она теперь не так затратна. Другое дело, что при быстроте передвижений теряется ощущение сакральности происходящего. Долгий путь в Мекку все-таки включал духовную подготовку, сосредоточенность, высшую собранность человека – именно из-за исключительности возникшей ситуации; человек обновлялся внутренне, как бы рождался заново, так что статус, который он получал после завершения паломничества («хаджи»), не был формальностью: люди, встречавшие его по возвращении домой, со справедливым благоговением относились к нему, совершившему такой значимый в своей жизни поступок. Разумеется, можно спросить (пусть наивно, но в необходимом теоретическом ракурсе): а разве для самих жителей знойного края, арабов Аравийского полуострова, Мекка за многие столетия не

травелогах размышляли и раньше, причем не менее продуктивно с точки зрения концептуальных построений, но лишь в эпоху глобализации академическое внимание (само являющееся составной частью общекультурной системы) к ним многократно возросло и усилилось.

Травелогом считают сверхжанровую конструкцию, в которой неким лицом (автором или вымышленным героем) дается описание путешествия по незнакомым локусам земли с достаточно подробным или, напротив, лапидарным сообщением о жизни населяющих эти места народах. Травелог – термин широкого плана, он может иметь разные способы выражения собранного материала: дорожные очерки, путевые записки, дневниковые (журнальные) заметки, воспоминания (мемуары), служебный отчет, дипломатический лист [2, стб. 839–842]. Травелог относится к тем старым, хорошо развитым «моделям» литературы, возникновение которых было обусловлено военными походами, торговой деятельностью, научными экспедициями, паломничеством по святым местам – в общем, всем тем, что было связано с перемещением людей в пространстве.

Травелог, кроме того, включает элемент субъективной оценочной интерпретации автора. Многомерность субъективного восприятия чужого/другого мира и делает травелог явлением литературно-эстетическим. Если бы в очерке «Остров Сахалин» А. П. Чехов ограничился объективным изображением дальневосточного пейзажа, то, наряду с приводимыми им статистическими данными о населении края (соотношение мужчин и женщин, стариков и детей, религиозно-конфессиональный, этнонациональный, сословный состав той или иной административной единицы, формы землевладения и хозяйствования, процент рождаемости, типичные заболевания людей и т. д.) и ссылками на этнографическую литературу с характерной системой примечаний, отделенных от основного текста размером печатного шрифта, это дало бы возможность с полным правом утверждать, что перед нами учебное сочинение конца XIX в., то есть книга социолога, взявшего на себя труд в продолжение путешествия («полевой работы») произвести перепись жителей отдаленного острова с его пенициарной системой, составить представление об их культурно-антропологическом облике. Однако поскольку писатель в своеобразном стиле поделился впечатлением от увиденного, больше того – высказал обобщенную позицию, свой взгляд о том, чему стал непосредственным свидетелем, то говорить о чеховских записках как об исключительно научно-исследовательском описании, конечно, нельзя. Это творческий текст, синте-

тический по жанровой природе, в котором литературный элемент соседствует с научным и публицистическим дискурсами³.

Таким образом, в оценочности травелога как форме присутствия субъектного сознания заключается мера (глубина) освоенности пространства

³ Художественное осмысление «сахалинской» темы выражается в тех мастерски тонких, импрессионистических зарисовках, которые мы можем вычитать из описаний природы или повседневного быта островитян. Так, Чехов пишет, что, когда он прибыл в селение Дербинское, его за неимением комнаты поселили в амбаре, где хранились венские стулья, специально оборудовав место для ночлега (стол и кровать). Была дождливая ночь, «было покойно и в амбаре и у меня на душе, но едва я тушил свечу и ложился в постель, как слышались шорох, шепот, стуки, плесканье, глубокие вздохи... Капли, падавшие с потолка <...>, производили гулкий, звенящий звук, и после каждого такого звука кто-то шептал в отчаянии: „Ах, боже мой, боже мой!“». Рядом с амбаром находилась тюрьма. Уж не каторжные ли лезут ко мне подземным ходом? Но вот порыв ветра, дождь застучал сильнее, где-то зашумели деревья – и опять глубокий, отчаянный вздох <...>» [3, с. 151]. Чехов, как видим, субъективизирует ночь, он создает ощущение почти готического страха, за которым стоит идея беспросветного, безнадежного, тоскливого существования на Сахалине, в этом Богом забытом уголке земли. Показательно, что те же вздохи Чехов в следующее утро расслышал в нечленораздельной, мимической речи оборванных, вымокших и озябших каторжан, которые, как он понял по обрывкам слов, просили поместить их, усталых и немощных, в больницу, лазарет. Та же безысходность, мертвенность жизни, ее «пустотность», победа вездесущей сахалинской тоски над любой живой силой, живоносным началом продемонстрирована Чеховым эскизным штрихом, как бы между прочим, без фокусировки, методом незначительного, как поначалу кажется, обзорного перечисления, в эпизоде с выброшенным на берег китом: «На пристани около сторожки лежит скелет молодого кита, когда-то счастливого, резвого, гулявшего на просторе северных морей, теперь же белые кости богатыря лежали в грязи, и дождь точил их...» [Там же, с. 188]. Без подобных многочисленных обмолвок и проговорок текст рассматривался бы в качестве бесстрастного, бессубъектного повествования о неоткрытых землях (научный нарратив). Даже гиляки (нивхи), туземный, автохтонный народ Сахалина, показан Чеховым с явной человеческой симпатией; автор, придерживаясь в процессе их характеристики строгого этнографического языка, его преодолевает, высказывая суждение («я думаю...») о неуместности их русификации из-за фундаментальных мировоззренческих различий двух народов (если и вести эту политику, отмечал он, то только беря в расчет запросы гиляков, а не потребности русской колониальной власти, не умеющей настоящему учитывать нужды и интересы людей на местах [Там же, с. 179–180]).

литературным словом. В этом смысле нельзя не согласиться с мнением, согласно которому «культурное освоение территории не менее важно, чем военное, административное, хозяйственное. Только ожив в слове, мелодии, образе, территория становится освоенной» [4, с. 6].

Тут мы подходим к прояснению специфики русского травелога.

Дело в том, что русский травелог в общем виде – продукт имперского сознания. Он возник как ответ на экспансию обширного и чужеродного пространства, представляя собой средство его закрепления, адаптации, включения в новую семиотическую жизнь. В имперских травелогах прослеживается деление пространства на центральное и периферийное («космос» и «хаос» древней мифопоэтической традиции). Последнее окрашено в темные тона (это место варварского бескультурья), в то время как первое обладает силой цивилизаторского разума, вносящего порядок в аморфные структуры.⁴

⁴ Так было не всегда: в целом вполне убедительным (если, подчеркнем, иметь в виду один выразительный пример) выглядит суждение, в рамках которого объясняется, что до XVIII в. русская литература, в отличие от западноевропейской, не знала колониального дискурса: в «Хождении за три моря» Афанасия Никитина о чужих землях рассказано с искренним уважением и доброжелательностью к их народам; «<...> нет никакого желания автора навязать этим странам свой собственный жизненный уклад» [5, с. 34–35]. С нашей точки зрения, правильнее было бы говорить о том, что колониальный дискурс к этому времени еще не обрел отчетливые жанровые контуры по готовым европейским образцам. Возражая Е. Пономареву, автору статьи, на которую мы ссылаемся, хотелось бы сказать, что, например, знаменитая «Казанская история» («История о Казанском царстве»), литературно-идеологический памятник 60-х гг. XVI в., связанный с восточной политикой Московского государства, содержала компоненты религиозно-нравственного противостояния двух цивилизационных миров – русского и татарского, христианского и мусульманского. Безусловно, в тексте этого произведения мы обнаруживаем приметы благоговения перед новой, открывшейся землей: человек, писавший «Казанскую историю», поражается богатством, изобилием чудесного края, храбростью, бесстрашием казанцев, которые находили силы для сопротивления врагу, называет город «прекрасным», «благословенным», «достойным похвалы». Тем не менее красной нитью через весь памятник проходит идея справедливого возмездия (кары), религиозно окрашенной радости от того, что «мечети варварские» заменяются, наконец, «церквями Божиими, пресветло сияющими» (что это, если не «желание навязать свой собственный жизненный уклад» до XVIII в.?). Называть «Казанскую историю» полноценным травелогом нет оснований. Этот

Русский травелог, помимо этого, делится на три разновидности в зависимости от вектора странствий его субъекта: 1) внутри страны, 2) западный и 3) восточный. Первый вид укладывается в схему движения от столицы к провинции и обратно, от локусов пышной жизни к локусам бедного, угнетенного существования. Во втором взаимодействуют разнонаправленные линии, от восторженного очерчивания удобств неродного быта до описаний национального превосходства с чувством тоски по оставленной стороне, «родине». Здесь можно наблюдать закономерность, принципиально важную для традиционного русского мышления: чем дальше человек движется на запад, тем больше он находит в нем технического прогресса, комфорта, гражданской благоустроенности, основанной на меркантильных расчетах, и тем меньше становится духовности. Что касается ориентального травелога, то в нем обозначаются точки иного притяжения: Восток трактуется, с одной стороны, как экзотический знак, а с другой – в качестве места приложения государственной воли, ибо для восточных стран, в их восприятии Россия была носительницей западных ценностей, в этом плане русский восточный травелог смыкался с западным «просветительским» проектом. Отсюда – широкое распространение получила концепция, по которой восточный вид травелога был лишен самодостаточности из-за малой жанровой разработки: «основным сюжетом русского имперского травелога следует признать путешествие на Запад» [5, с. 42].

Пожалуй, есть основание полагать, что в обобщенно-количественном аспекте русских травелогов о Западе больше, чем русских травелогов о Востоке; точными цифрами мы не располагаем, однако впечатление об ориентированности русских путешествий на Запад приходится признавать очевидным. Вместе с тем, поскольку Восток оставался в центре внимания странствующих лиц разного звания и сословия, понять, как формировался взгляд на него в процессе взаимодействия России и Азии, необходимо. Ничуть не претендуя на исчерпывающую полноту

текст аттестуют в качестве исторической повести, в соответствии с авторским определением жанра. Однако элемент травелога присутствует в сочинении самим фактом того, что татарская земля характеризуется русским человеком, оказавшимся в Казани случайно, в результате пленения (если принять такую версию) и оценивающего чуждый мир инокультурными глазами: Афанасий Никитин попал в Индию тоже нечаянно, из-за грабежа на дороге, когда возвращение домой без товаров грозило попаданием в долговую яму, кабалой.

ответа, мы возьмем на конкретное рассмотрение локус Средней Азии, затронув лишь – в связи с одним из текстов – истоки формирования русского среднеазиатского травелога как части ориентального нарратива.

Средняя Азия стала представлять стратегический интерес для Российской империи в середине XIX в. Именно тогда сложились условия для полноценного изучения этого региона с точки зрения реализации ее экономических и политических амбиций. Расширение территории России происходило военным путем.⁵ Между тем следо-

⁵ Весной 1873 г. начался захват Хивы под руководством генерала К. П. фон Кауфмана, после чего Хивинское ханство (одно из трех мусульманских государств Средней Азии, наряду с Бухарой и Кокандом) обрело статус российского протектората, то есть территории, находящейся в вассальной зависимости от северного соседа. В вассальное владение России, кстати, вошли и те земли, которые считались номинально присоединенными к Хиве – земли Мервского оазиса (древний город Мерв на реке Мургаб с полуразрушенными постройками), где жили туркменские племена. Любопытен рассказ Генри Ландселла (1841–1919), английского путешественника, побывавшего в Средней Азии и встретившегося там с хивинским ханом. В рассказе недвусмысленно, с опорой на логику ассоциации, обосновывается, почему туркменские земли должны быть связаны с Россией, хотя они не были еще завоеваны полностью. «Во время моей беседы с Ханом, Его Высочество спросил меня, кому принадлежал Герат. Я ответил: „Афганистану“. Затем он спросил меня, принадлежал Мерв России или Англии. Я ответил, что никому, ведь предполагалось, что он независим. „Одно время, – сказал он, – он был независим, однако шестьдесят лет назад хивинцы взяли его“. Как только пришли русские, их <хивинцев. – Р. Б.> господство оказалось нарушенным. Недавно Мерв отправил к нему <хану. – Р. Б.> письмо, изъявляя готовность заплатить дань, и он послал человека, чтобы ее получить. Исходя из этого, он <хан Хивы. – Р. Б.> утверждал, что Мерв принадлежал ему, как он сам принадлежал России. Мерв также должен принадлежать России. Это логичная ситуация, от которой никуда не деться. Поэтому я с улыбкой ответил, что если Его Высочество не имеет возражений на этот счет, то и у меня их нет» [6, с. 486–487] (пер. с англ. Р. Ф. Бекметова), см.: [7, с. 17], особенно: [7, с. 97, 112].

Г. Ландселл был священником англиканской церкви. В конце 1870-х – начале 1880-х гг. он осуществил два больших путешествия по азиатской части России: побывал в Сибири (став автором сочинения «Через Сибирь», третье издание которого вышло в 1882 г.) и Средней Азии (с июня по декабрь 1882 г., посетив такие города, как Семипалатинск, Кульджа, Ташкент, Коканд, Бухара, Хива, Карши, и написав двухтомное произведение, цитату из которого мы привели). Побывав в этих местах с миссионерской целью, он ста-

вало бы помнить о том, что связи среднеазиатских государств с Россией возникли в допетровские времена, а в середине – конце XVIII в. они проходили стадию «кристаллизации», когда нащупывался (после вынужденного принятия Казахстана в 1730-е гг. российского подданства) общий подход к русской экспансии на юг.

Одно из небольших сочинений конца XVIII в., посвященных среднеазиатскому культурному региону, – «Известия о Бухарии», опубликованные в 1779 г. в периодическом издании календарного типа «Месяцослов исторический и географический» [8]. Оно привлекало внимание исследователей, в первую очередь историков, в качестве раннего русского источника о Бухаре и городах, примыкающих к нему. Однако, входя в обзоры, этот текст до сих пор не изучался сам по себе. Между тем он заслуживает более полного освещения.

Начать с того, что «Известия о Бухарии» были помещены в «месяцослове» – книжном нецерковном календаре XVIII в. Первые печатные календари в России появились в «петровском» 1708 г. Они несколько отличались, несмотря на генетическую связь, от так называемых «месяцесловов» – рукописных религиозных календарей прежней эпохи. Христианский месяцеслов представлял собой своеобразный жанр церковной письменности; в нем фиксировалась система годовых культовых праздников, жития святых, находили отражения исторические события, интерпретированные с православной точки зрения (военные победы, нашествия врагов, стихийные бедствия) (см.: [9]). Гражданские месяцесловы были разнообразнее, они совмещали библейские и светские толкования истории; их тематический диапазон был широк (излагались сведения, почерпнутые из медицины, физиологии, анатомии, географии, климатологии, астрономии и других наук; нередко для наглядности они сопровождались черно-белыми картинками, многие из кото-

вил задачей описать народные традиции и обычаи, утверждая, что они находили свое отражение в Священном Предании (Библии). Кроме того, его книга (с разнообразными вкладками-иллюстрациями, уникальной цветной картой Средней Азии и Казахстана и таблицами, в которых были тщательно внесены сроки посещения населенных пунктов) включала сообщение о флоре и фауне среднеазиатского региона. Его отчет был высоко оценен в англоязычном мире, потому что содержал ценную и подробную информацию о далеких землях. Одновременно Г. Ландселла критиковали за то, что он в слишком позитивном, радужном свете рассказал о положении людей в российских тюрьмах и попытался в оправдательном аспекте представить экспансию России в Мервский оазис.

рых в соответствии с духом просветительского времени подразумевали символично-аллегорическую трактовку).⁶ Есть основания говорить о том, что светские календари эпохи петровских реформ ставили познавательные задачи. Характерна подпись издателя «Любопытного месяцеслова на 1775 год» Василия Григорьевича Рубана (1742–1795), поэта-панегириста с репутацией графомана⁷, переводчика с латинского, издателя нескольких журналов, в том числе «Трудолюбивого муравья», автора сочинений по разным отраслям научного знания, редактора записок В. Г. Барского о посещенных им святых местах в Европе, Азии и Африке, человека со значительным послужным списком: «издал в свет, для пользы Россиян». Формула «для пользы Россиян» как раз чрезвычайно точно определяет телеологическую сторону месяцесловов: цель заключалась в том, чтобы «подсобным» литературным жанром, каковым являлись календари, расширить интеллектуальные горизонты читательской публики XVIII в. (не случайно то, что информационная насыщенность месяцесловов год от года прирастала).

«Известия о Бухарии» размещались в середине журнала. Он начинался с календаря в виде таблицы, в котором по дням были размечены церковные праздники. Таблицу завершала «Хронология сего года», в которой начальная, библейская датировка событий вписывалась в нецерковное, историческое время, разделенное по принципу пирамидальности, от одного-двух значимых фактов с персоналогическим планом («от рождения Ея Величества... Екатерины Алексеевны, Самодержицы Всероссийския» и т. д.) до событий «большой» (международной) и «малой» (российской) истории («От зачатия Санкт-Петербурга» и т. д.). Канва исторических событий тем самым приводилась в систему, их отбор

⁶ В календаре за 1713 г. сообщение о зиме включало гравированный рисунок женщины, которая в одной руке держала сальную свечу – знак сокращения дня, а в другой – чашу с дымной золой – примету топки печей; сообщение о весне иллюстрировалось гравюрой рослой женщины с царской короной на голове и цветами в обеих руках; то же лето; а осень «разъяснялась» образом женщины с кубком, откуда шел огонь (под ее ногами, на земле, были разбросаны плоды осеннего сезона в узнаваемых контурах: тыква, виноград, репа, листья).

⁷ Вот образец его художественного письма – стихотворный эпиграф к упомянутому календарю: «Морозов, иль тепла, иль мрачных дней, иль ясных: / Погоды тихия, иль ветров преужасных, / Иль ведра, иль дождя со снегом должно ждать: / Правдив сей календарь и век не может лгать».

происходил не стихийно, а по структурированной семантике «пышных побед», покорения государством неосвоенного пространства вокруг. Персоналогический план конкретизировался сообщением о «высоких праздниках» – рождениях особ Императорского дома, после чего следовал раздел «О четырех временах года». В итоге можно сказать, что составитель придерживался двухчастной формы деления журнала с опорой на иерархически выстроенную композицию: а) первая часть – общая, «парадная», б) вторая – научно-литературная, развивающая основополагающие установки первой.

Заметке о Бухарии предшествовал рассказ о народах, живших в древности по берегам трех морей (Азовского, Черного и Каспийского), а также северного Дуная, – это все зоны российской военной экспансии; экскурс в основы астрономических знаний; справка об Иване IV Грозном (дана как энциклопедическая статья с изложением биографий монарших жен). После «Известий» располагался актуальный материал о пограничных линиях Российской империи. В таком расположении статей есть своя логика: она привязана к мысли о территориальном господстве страны, ее постоянном расширении.

В самой заметке – если переходить к ее содержанию – сведения о местоположении Бухарского эмирата чередуются с фактами политико-исторического ряда. Автор разделяет Бухарию на «большую» и «малую». Первая локализуется в пустынной зоне между реками Сырдарья и Амударья, впадающими в Аральское море. Она состоит из «владений, имеющих особливых Ханов, или управляющихся самих собою» [8, с. 113], – речь идет о землях, которые находились под протекторатом бухарских властей. Показательно, что автор, разъясняя смену течения рек, оперирует «слухами», имеющими отношение к России, и разоблачает их, ссылаясь на ученые аргументы. «Слухи» заключались в том, что, согласно древним теориям, эти реки, именовавшиеся в греко-латинском изводе «Оксусом» и «Яксартом», впадали в Каспийское море, но позднее народы, обитавшие по берегам рек, якобы спасаясь от воинственных походов Петра I, их запрудили, отведя течения к Аралу. Вопрос о том, в какое море впадали Амударья с Сырдарьей, был предметом давней дискуссии: на этот счет средневековыми учеными высказывались разные предположения. Одно из них сводилось к тому, что некогда существовавшее русло Амударьи было перекрыто кочевыми племенами, чтобы удержать в повиновении селения, расположенные в низовьях, по причине чего сообщение вод с Каспием оказалось невозможным. Взгляд этот (не совсем

обоснованный, впрочем) циркулировал в XVI–XVII вв. [10, с. 48], поэтому он не может быть отнесен к Петру I. Вероятно, мы имеем дело с наложением событий: автор мог либо вычитать, либо услышать об этом с опорой на рассказы «туземцев», реальные или мнимые. В этом, мистифицированном, случае могли подразумеваться легенды о том, что берега Амударьи были покрыты золотыми песками и что хивинцы, желая скрыть природную «реалию» от русских, соорудили дамбу, чтобы сток воды был перенаправлен (см.: [11]).

Петр I, мы знаем, вынашивал план поворота течения Амударьи с Аральского моря в Каспийское. Этим способом, исходя из геодезических и топографических знаний в России начала XVIII в., он хотел проложить речной путь в Индию. В период с 1714 по 1717 гг. царь отправлял экспедиции для изучения прежнего, каспийского русла. Экспедиция 1717 г. была выслежена хивинским ханом и истреблена. Автор объясняет смену направлений рек землетрясением, которое привело к возникновению Арала. «Слух» о громадном обвале заставил Петра I, по версии автора, в 1715 г. (неточность: указ о снаряжении миссии был издан годом раньше) послать в Среднюю Азию капитан-поручика Александра Бековича-Черкасского, который составил первую научную карту Каспийского моря.⁸

«Малой Бухарией» автор называет саму Бухару – город, в котором живут купцы и цеховые ремесленники. Вокруг города в передвижных кибитках обитают скотоводы, которых автор обозначает по их этнониму («узбеки»), оговаривая, что они рьяно, с неистовой энергией оберегают ареал своего расселения («караваны часто принуждены бывают откупаться от них подарками» [8, с. 115]).

Помимо Бухары, в заметке дается описание близлежащих городов.

Самарканд характеризуется в качестве города с былой славой. Он – «обиталище наук» [Там же, с. 116]. Главное внимание вызывает его библиотека. Автор в ней не был: говоря о ее фондах, он ссылается на чужие рассказы: «сказывают, что

тамошняя библиотека состояла из знатного количества книг» [Там же, с. 116].

Хива для автора – в первую очередь область. Одним из крупных ее городов признается Ургенч (находится, по уверению автора, не бывавшего там, в 20 днях езды от Каспийского моря⁹), в котором жили ханы, избираемые узбекским населением; торгового рынка в нем нет. Зато Хива как столичный город, центр края, по понятным мотивам изображается в негативном свете. Хива – «гнездо разбойников», куда свозят пленных и продают; место гибели Александра Бековича и членов его свиты [Там же, с. 117]. Автор с колебанием, без твердой уверенности относит время возникновения города к периоду после Ивана Грозного.

Туркестан представлен как город богатой культурной жизни, пришедшей в упадок. «Страна тюрок» – так автор переводит топоним «Туркестан». Опираясь примерным числом дворов, он описывает состояние построек. «Оные суть худые», – заключает автор, имея в виду то, что они невзрачные, неприметные, сделаны из глины и обожженного кирпича [Там же, с. 118].¹⁰ Туркестан – не торговый город; население занято земледелием и скотоводством.

Ташкент в интерпретации автора – город более живой, многолюдный. Торговля – главное занятие его жителей. Караваны из Ташкента бьют в Сибири.¹¹

⁹ О том, что автор не был в Ургенче, как и в других городах Средней Азии, можно судить по одной его обмолвке. Она позволяет сделать вывод, что при написании заметки автор пользовался материалами английской купеческой и дипломатической переписки, а также трудами английских ученых (в оригинале или переводе). На стр. 117 написано: «из описания их <англичан; курсив наш. – Р. Б., Н. С.> торговли видно, что Ургенч лежит расстоянием 20 дней езды от Каспийского моря, <...>, под 42° 18' высоты полюса <...>» [Там же, с. 117].

¹⁰ Сходные детали (внимание к количеству дворов, указание на кирпич, используемый при постройке жилья) встречаются в travels о Хиве купца Даниила Рукавкина, посетившего Среднюю Азию в середине XVIII в. («Описание пути от Оренбурга к Хивы и Бухарам, бывшего при отправленном в 1753 году из Оренбурга в те места купеческом караване самарского купца Даниила Рукавкина»).

¹¹ Сибирь – место купеческой экспансии выходцев из Средней Азии, начало которой было положено в период распада Золотой Орды и образования нескольких татарских ханств. Духовная элита Сибирского ханства, как известно, была представлена среднеазиатскими суфийскими миссионерами в основном тариката Накшбандий.

⁸ Бекович погиб во время похода 1717 г., когда русские отряды, двигаясь к Хиве, по просьбе хана Ширгази, разделились на несколько частей, чтобы удобно, без скученности, разместиться в столице ханства и его окрестностях. Ширгази пригласил Бековича в свой шатер на берегу Амударьи, а затем, изолировав офицера, пленил и приказал отсечь ему голову. Голова петровского сподвижника была преподнесена бухарскому эмиру, но тот отказался принять этот страшный дар.

Заметка включает каталог племен и народов Средней Азии, представленный не объективно, в отстраненном описании, а в оценочном ключе, выражающем не только личный, но общеимперский взгляд на них.

Туркмены – жители восточного берега Каспийского моря – «дикий и грабительный народ», занимающийся земледелием, но, в отличие от узбеков, пренебрегающий торговыми делами [Там же, с. 120]. Автор аттестует туркмен как людей хитрых, склонных к обману, готовых ограбить и убить неосмотрительного чужеземца. Осторожность – основная стратегия общения с ними.

Аральцы – ветвь узбекского народа – живут на берегу Аральского моря. Торговлей не занимаются. Места их обитания безопасны для караванов.

Каракалпаки – «люди худой славы», не пренебрегающие грабежом [Там же, с. 121]. Вместе с тем автор стремится устранить от них распространенные обвинения: каракалпакам по заблуждению приписывается многое из того, что совершают степняки, склонные к авантюризму. Это стремление не случайно; оно обосновывается тем, что русские о каракалпаках, в сравнении с другими народами Средней Азии, знали больше: часть этноса, обитавшего в низовьях Сырдарьи, взаимодействовала с русским населением, особенно после того, как Оренбург был утвержден в правах «для отворения пути» в Бухарию.

Киргиз-кайсаки, кочующие на огромных степных просторах от Урала до Иртыша, торгуют лишь скотом, выменивая его на нужные вещи. Они подразделяются на три «орды»: «большая», «средняя», «меньшая». Первая названа так по знатности происхождения; вторая и третья находятся в подчинении у России, в том числе тем часто употребляемым способом, когда, чтобы договор не нарушался, одна сторона брала у другой «заложников» («аманат»); Оренбург нередко и выступал тем местом, где дети казахских ханов и султанов должны были находиться после заключения соглашений (см.: [12]).

Бухарцы – сплошь купцы. До взаимодействия с Россией они вели сухопутную торговлю, снаряжая караваны; при царе Алексее Михайловиче им открылась возможность ходить водным путем по Каспию на российских судах. Караванная дорога из Оренбурга в Хиву и Бухару стала обрывать опорными пунктами. Тем не менее, поскольку дорога остается опасной, автор предлагал установить для русских купцов рынок в Астрабаде, на южной окраине Каспийского моря, чтобы путь в Бухарию проходил мимо Хивы, «разбойнического города» [Там же, с. 124]. Более

того, автор выражал желание, чтобы бухарцы тоже вывозили товары в этот транзитный город; а то, что осталось бы не раскупленным, русские, по замыслу, могли бы здесь продать иранцам.

Кто является автором этого сочинения? Вопрос остается открытым. Общее представление об авторе мы можем получить, исходя из текста заметки.

Автор «Известий о Бухарии» – человек образованный, владеющий материалом, который соответствует уровню познания своей эпохи. Ключевая особенность – совпадение личной позиции автора с имперским взглядом на среднеазиатский регион – место экономических инициатив и геополитических интересов России. Отсюда – деление народов на «цивилизованных» и «варварских», «своих» и «чужих». Так, каракалпаки – в целом «чужие», однако из-за вхождения их в орбиту имперского влияния почти «свои», как следствие – попытка автора снять с них стереотипы, приписываемые казахским племенам, отношение с которыми в конце XVIII в. были далеки от урегулированных. Показательно, что речи о цивилизующей роли России в «Известиях о Бухарии» нет.¹² В координатах вестернизированной империи данный дискурс оформится позднее. Пока сфера коммуникации ограничивается тактикой взаимовыгодной торговой деятельности; символична концовка текста, в которой автор аргументированно (с российской точки зрения!) предлагает купцам двигаться в обход Хивы, чтобы на новом месте заложить альтернативный пункт встречи русских и бухарцев; Хива «награждается» перечнем слов отрицательной коннотации (вражий стан, царство разбоя и грабежа, где отсутствуют правила, цивилизованные нормы; учет иной логики суждения не предусмотрен).

По формальным критериям перед нами – научная статья, что отражено в заголовке.¹³ В процессе подготовки автор мог пользоваться европейскими источниками о Средней Азии.¹⁴ В то же время академизм характеристик разбавляется

¹² В «Казанской истории», мы говорили, эта роль фигурировала в религиозном виде (захват Казани и планомерное движение на Восток как распространение света православной веры; ср. концепцию «Москва – третий Рим»).

¹³ «Известия» – «сообщение», «доклад», «выступление».

¹⁴ В XVIII в. к трудам европейцев о Востоке могли обращаться и те, кто, посетив край и делаясь впечатлениями, создавал сочинения, претендующие на статус художественных, как это было в случае офицера Ф. С. Ефремова, оставившего путевые записки о Средней Азии, Тибете и Индии (см.: [13]).

в ней публицистичностью высказываний автора, его пристрастностью, ангажированностью. По жанровой природе это «гибридный» текст.

К «чистым» травелогам данное произведение не принадлежит: в нем мы не обнаруживаем полноценного субъекта повествования. Автор в описанных местах не бывал; он ограничивается усредненным типом среднеазиатской жизни; его кругозор носит книжный характер. На чужой мир отсутствует взгляд изнутри; его и не может быть из-за дефицита опыта живого общения с людьми другой культурной традиции. В тексте мы не находим этнографического изображения представителей среднеазиатских народов (портретов, религиозной аксиологии) с интерпретирующей оценкой. Мало сказано о природе края (флора и фауна), достопримечательностях, ритмах жизни вне ритуалов и церемоний.

И все-таки определенные компоненты литературности в тексте имеются: четкая композиция, логика изложения, речевая система с ее ориентацией на лаконизм синтаксических конструкций. Публицистичность позиции автора делает сочинение не травелогом, но в чем-то приближенным к нему.

«Известия о Бухарии» мы рассматриваем как ранний этап становления научно-художественного модуса о Средней Азии. Они ценны как предыстория среднеазиатского нарратива. Наивно, в корне неправильно было бы требовать от подобных текстов тех жанровых признаков, которые сформировались позднее, в других историко-культурных обстоятельствах.

Список источников

1. Гончаров И. А. Полное собрание сочинений и писем: в 20 томах. Т. II: Фрегат «Паллада»: очерки путешествия в двух томах. СПб.: Наука, 1997. 746 с.
2. Литературная энциклопедия терминов и понятий / под ред. А. Н. Николюкина. М.: НПК «Интелвак», 2001. 1600 стб.
3. Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем: в 30 томах. Т. XIV/XV: Из Сибири. Остров Сахалин. М.: Наука, 1978. 452 с.
4. Авченко В. О. Литературные первопроходцы Дальнего Востока. М.: Молодая гвардия, 2021. 255 с.
5. Пономарев Е. Русский имперский травелог // Новое литературное обозрение. 2017. № 2 (144). С. 33–44.
6. Russian Central Asia, including Kuldja, Bokhara, Khiva and Merv by Henry Landsell (author of «Through Siberia») in two volumes. Vol. 2. London: Sampson Low, Marston, Searle, and Rivington 188, Fleet Street. 1885. 732 p.
7. Тихомиров М. Н. Присоединение Мерва к России. М.: Изд-во восточной литературы, 1960. 239 с.

8. Известия о Бухарии // Месяцеслов исторический и географический за 1779 год. СПб., 1779. С. 113–126.

9. Лосева О. В. Русские месяцесловы XI–XIV веков. М.: Памятники исторической мысли, 2001. 421 с.

10. Маджидов О. Ш. Куда впадала река Амударья: палеогеографическое исследование // Центральноазиатский журнал географических исследований. 2012. № 3–4. С. 45–54.

11. Бурштейн Е. Ф. «Песочное золото» в России: путешествие Матвея Снегирева в 1790 году // Природа. 2012. № 6. С. 67–73.

12. Избасарова Г. Аманат в традиционном казахском обществе и российской политике XVIII в. // Российская история. 2017. № 1. С. 103–112.

13. Бекметов Р. Ф. Тибет в русской литературе // Филология и культура. Philology and Culture. 2016. № 2 (44). С. 189–194.

References

1. Goncharov, I. A. (1997). *Polnoye sobranie sochinenii: v 4 tomakh* [Complete Collection of Works: In 20 Volumes]. Vol. II: Frigate “Pallada”: ocherki puteshestviya v dvukh tomakh. 746 p. St. Petersburg, Nauka. (In Russian)
2. *Literaturnaya entsiklopediya terminov i pon'atii* (2001) [Literary Encyclopedia of Terms and Concepts]. Pod red. A. N. Nikol'ukina. 1600 stb. Moscow, NPK “Intelvak”. (In Russian)
3. Chekhov, A. P. (1978). *Polnoe sobranie sochinenii i pisem: v 30 tomakh* [Complete Collection of Works and Letters: In 30 Volumes]. Vol. XIV/XV: Iz Sibiri. Ostrov Sakhalin. 452 p. Moscow, Nauka. (In Russian)
4. Avchenko, V. O. (2021). *Literaturnye pervoprohodtsy Dal'nego Vostoka* [Literary Pioneers of the Far East]. 255 p. Moscow, Molodaya gvardiya. (In Russian)
5. Ponomarev, E. (2017). *Russkii imperskii travelog* [Russian Imperial Travelogue]. *Novoe literaturnoe obozrenie*. No. 2 (144), pp. 33–44. (In Russian)
6. *Russian Central Asia, including Kuldja, Bokhara, Khiva and Merv by Henry Landsell (author of “Through Siberia”) in two volumes*. (1885). Vol. 2. 732 p. London, Sampson Low, Marston, Searle, and Rivington 188, Fleet Street. (In English)
7. Tikhomirov, M. N. (1960). *Prisoedinenie Merva k Rosii* [The Accession of Merv to Russia]. 239 p. Moscow, izd-vo vostochnoi literatury. (In Russian)
8. *Izvestiya o Bukharii* (1779) [News about Bukhara]. *Mesya'tseslov istoricheskii i geograficheskii za 1779 god*. Pp. 113–126. St. Petersburg. (In Russian)
9. Loseva, O. V. (2001). *Russkie mes'yatseslovy XI–XIV vekov* [Russian Months of the 11th–14th Centuries]. 421 p. Moscow, Pam'yatniki istoricheskoi mysli. (In Russian)
10. Madzhidov, O. Sh. (2021). *Kuda vpadala reka Amudar'ya: paleogeograficheskoe issledovanie* [Where the Amudarya River Flowed: A Paleogeographical

Study]. Tsentral'noazatskii zhurnal geograficheskikh issledovani. No. 3–4, pp. 45–54. (In Russian)

11. Burshtein, E. F. (2012). *“Pesoshnoe zoloto” v Rossii: puteshestvie Matveya Snegireva v 1790 godu* [“Golden Sand” in Russia: The Journey of Matvey Snegirev in 1790]. Priroda. No. 6, pp. 67–73. (In Russian)

12. Izbasarova, G. (2017). *Amanat v traditsionnom kazakhskom obschestve i rossiiskoi politike XVIII v.*

[Amanat in the Traditional Kazakh Society and Russian Politics of the 18th Century]. Rossiiskaya istoriya. No 1, pp. 103–112. (In Russian)

13. Bekmetov, R. F. (2016). *Tibet v russkoi literature* [Tibet in Russian Literature]. Filologiya i kultura. No. 2 (44), pp. 189–194. (In Russian)

The article was submitted on 27.03.2024

Поступила в редакцию 27.03.2024

Бекметов Ринат Ферганович,
доктор филологических наук,
профессор,
руководитель Центра по изучению наследия
Льва Толстого,
Казанский федеральный университет,
420008, Россия, Казань,
Кремлевская, 18.
bekmetov@list.ru

Bekmetov Rinat Ferganovich,
Doctor of Philology,
Professor,
Head of Leo Tolstoy’s Heritage Studies Center,
Kazan Federal University,

18 Kremlyovskaya Str.,
Kazan, 420008, Russian Federation.
bekmetov@list.ru

Сабиров Немат Казакбаевич,
старший преподаватель кафедры русской
филологии,
Ферганский государственный университет,
712000, Республика Узбекистан, Фергана,
Муррабийлар, 19.
nemat.sabirov.60@inbox.ru

Sabirov Nemat Kazakbayevich,
Assistant Professor in the Russian Philology
Department,
Ferghana State University,
19 Murabbillar Str.,
Ferghana, 420008, Republic of Uzbekistan.
nemat.sabirov.60@inbox.ru